

Игорь Ринк

Три встречи

о первых книгах молодых поэтов Н. Колмогорова, С. Донбая, И. Полунина

// Огни Кузбасса. – 1978. – № 1. – С. 95-100.

Вчитываться в ранние книги молодых поэтов всегда интересно. Радует, когда услышишь пусть ещё не окрепший, но уже свой поэтический голос, почувствуешь свежую интонацию, откроешь для себя далеко не простой внутренний мир ещё одного, а если очень повезёт, так и сразу трёх молодых современников. Мне как раз повезло и поэтому в этой статье пойдёт речь о первых книгах молодых или достаточно молодых поэтов: Николая Колмогорова, Сергея Донбая и Ивана Полунина, книгах, выпущенных в текущем году Кемеровским книжным издательством. <...>

Задумчиво глядя на шумную игру мальчишек, Иван Полунин с грустью вспоминает:

А мне?
Лишь стоит в даль взглядеться,
Увижу бурые дворы.
В моё обрубленное детство
Война входила.
Без игры.

Этим он точно определяет своё место в ряду поколений. Он не меньше воевавших имеет право сказать о себе: «А я былым настолько болен, что до сих пор неизлечим». Поэтому и воспоминания о войне у Полунина чаще и больнее, чем у его товарищей, это и в «Балладе о связисте», и в «Памятном», и во многих других стихах, а отдельные детали военного детства возникают на протяжении всей книги. А ещё от войны и службы в армии остался у поэта солдатский характер, в котором жёсткость и целеустремлённость соседствуют с добротой и человечностью.

Книгу свою Полунин назвал «Февральская свирель», желая тем увековечить месяц и даже день (ну, как же – тринадцатое число) своего рождения:

И надо же
В злосчастный миг родиться,
С причудами шального февраля!
Пока ловил я в небе
Журавля –
Из рук успела выпорхнуть
Синица...

И это, пожалуй, единственное место в книге, где поэт сетует на фатальное невезение в собственной судьбе, да и это сказано отнюдь не всерьёз. А если уж говорить серьёзно, то весь сборник Полунина от начала до конца посвящён мужественному герою, идее преодоления им жизненных трудностей судьбы, что сложилась не так, как хотелось. В стихотворении «Высокое напряжение» поэт говорит:

Боль и радость пропущу по нервам,
Точно ток по гулким проводам.

И это высокое напряжение стиха проходит через весь сборник, став напряжённой нервностью лирики Полунина. Но его герой не из тех, кто ломается в тяжких испытаниях под молотом судьбы. Об этом определённо заявляет он сам:

Благодарен счастливой минуте
Вот за этот осмысленный путь,
И хотя небосвод неуютен,
Я скисать не намерен
Ничуть.

Да, герой книги прежде всего мужественный человек, не признающий компромиссов с людьми и совестью. Его помыслы нацелены лишь на то, чтобы, преодолевая трудности, «дробить окаменелые пласты» и стать в конце концов полновластным хозяином собственной судьбы. Поэтому тема «преодоления» видится мне как основная в книге. И в трудовом порыве и в размышлениях о жизни, природе и любви неизменно выступает цельность характера героя, человека, которому можно верить.

Глядя на осенние «огненные» деревья, поэт размышляет о неизбежном исходе судеб этих пожухлых листьев «терять с былым взаимосвязь»:

Знать, к доброте навек причастен,
И до конца осознаю:
Как цепко держится
В ненастье
Любой листок за ветвь свою!

Находка здесь вроде не бог весть какая, но она важна для понимания характера и эволюции героя, его романтической сущности. Автор предисловия Сергей Макаров прав: герой Ивана Полунина действительно романтичен, но эта романтика не Джекклондонского толка. Это романтика

нашего молодого современника, и в ней при любых условиях прежде всего проявляются черты советского человека и нашего образа жизни, полярные героям Джека Лондона, – коллективизм, доброта, презрение к вещизму и труд ради счастья людей.

Духовный облик молодого героя нам раскрывают стихи «Перед вами приоткрою дверь», «У детства ни стен, ни заборов», «Вера», «Воробей, замёрзший на лету», «Вдали от нивы» и другие, и в каждом из них возникает та или иная чёрточка души героя, – его доброе свойство вовремя приходить на помощь или способность «за победу завтрашнего дня с подлецами драться до увечья». А вот взволнованный «Монолог строителя», где герой, завершив стройку дома, заинтересованно беседует с воображаемым будущим жильцом. И ему далеко не безразлично, как, а главное, чем будет жить этот человек в комнате, куда он, герой, являлся «до восхода праздничной зари, в эти метры вкладывая нервы». И поэт с благодарностью вспоминает о той трудовой закалке, которую прошёл ещё в юности:

И не вправе,
Как воин бывалый,
Оставляя без боёв рубежи:
Я на жатве мужал,
У штурвала,
От усталости веки смежив.

Не всё на этой дороге преодоления было гладко, вторгалась в сердце боль, вспыхивало неверие в собственные силы, терзала душу оторванность от родных мест и людей, но победило, – а это и есть самое главное – именно то, что герой впитал в себя именно с юности, воспитываясь среди людей труда. И поэт говорит:

Так могу ли не думать о прежнем –
О земле, где пожухла стерня,
если крепким
И правильным стержнем
Одарила деревня меня?

На этом можно было бы и завершить рассмотрение «Февральской свирели», но всё же здесь есть повод упрекнуть автора в чрезмерной скованности и творческой робости, что выражается в выборе слишком узкого круга тем и в боязни говорить «во весь голос». Есть всего лишь два-три места в сборнике, где мы можем предположить, что слышим голос поэта в полную силу. Хочется верить, что теперь, когда первый шаг сделан – вышла первая

книжка и получены добрые оценки, у Ивана Полунина появятся новые стимулы для дальнейшей работы в поэзии. <...>